Ной Каллен

Чужая привязка

Ной Каллен

Чужая привязка

«Автор»
2026

Каллен Н.

Чужая привязка / Н. Каллен — «Автор», 2026

На обряде привязки меня никто не позвал в пару. Сестра стража, погибшего под седьмым фонарём, — плохая примета.А потом лопнула чаша, и моя кровь смешалась с кровью столичного ревизора Джулиана Харроу. Он приехал доказать, что Стража Солёного Предела больше не нужна. Он не умеет плавать, считает каждый шаг и каждую крону. И теперь я чувствую его страх, а он — мои кошмары.Разорвать привязку можно только через сорок дней. До тех пор мы не можем разойтись дальше чем на полверсты. А кто-то в городе очень хочет, чтобы в ночь разрыва вся Стража смотрела в другую сторону.
— Вынужденная магическая связь— От неприязни к любви— Чопорный столичный ревизор и девчонка с рыбацкой слободки— Отдельная история в мире «Солёного Предела», хеппи-энд

© Каллен Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лишняя чаша 6
Глава 2. Опись 11
Глава 3. Обход 16
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Ной Каллен
Чужая привязка

Ной Каллен
Чужая привязка
Солёный Предел. Книга 4
© Ной Каллен, 2026. Все права защищены.

Глава 1. Лишняя чаша

Ноготь на большом пальце кончился ещё на лестнице, и Нелл Остри взялась за указательный.

— Перестань, — сказала ей дочь шорника, не поворачивая головы. Они стояли рядом в строю, плечом к плечу, и от неё пахло пирогом с угрём. — Ты хрустишь. Меня от этого мутит.

— Тебя мутит, потому что ты съела два пирога.

— Я съела два пирога, потому что волнуюсь.

— Вот и я волнуюсь.

— А тебе-то с чего? — спросила дочь шорника и сразу покраснела до самого платка, потому что поняла, что сказала.

Нелл сунула руку в карман куртки и улыбнулась ей так широко, что та отвернулась и принялась поправлять пряжку.

С чего, в самом деле. Нелл Остри двадцать четыре года, год в кадетах Стражи, лучшая на курсе в лодке и под водой, последняя по почерку. И единственная, кого никто не позвал в пару. С весны кадеты сговаривались, кто с кем пойдёт к чаше, по казарме ходили записки, и только мимо койки Нелл они пролетали, будто койка стояла на сквозняке.

Ей никто ничего не сказал. Просто сын пекаря, с которым она полгода гребла в одной лодке, однажды вечером очень долго чистил сапог и наконец объяснил сапогу, что мать у него набожная, а приметы есть приметы. Сестра того, кто умер под седьмым фонарём. Не со зла.

Нелл пообещала, что если он ещё раз так долго будет чистить сапог, она его этим сапогом накормит. Он засмеялся с облегчением. Больше они про это не говорили.

* * *

Ночь фонарей в этом году впервые была не под Соляной башней, а на Вдовьем выступе, над Воротами.

Нелл помнила этот выступ другим: самый ветреный кусок Стены, где тётка Мэг запрещала ей ловить крабов, потому что у камня там «нехорошее дыхание». Теперь Стена тут расходилась. Две огромные створки из солекамня, каждая шириной с рыбный рынок, стояли развёрнутыми к морю, а между ними, в проёме, начиналась дорога вниз, в долину. Год назад там была вода. Теперь там был ил, серый, лоснящийся под луной, а дальше огоньки новых поселений, редкие, как угли в остывшей печи, и совсем далеко, у шлюза, ровная зелёная нитка его собственных фонарей.

Ветер шёл с моря, мокрый, со снежной крупой. На площадке над створками горели жаровни, и у каждой грелись по трое, по четверо, сменяясь, как утки у полыньи.

Нелл не грелась. Ей велели носить чаши.

Это была работа для того, кто не идёт к обряду. Ящик стоял у лестницы, обложенный соломой, и над ним стояла Тамсин Вейн, жена лорда-стража, в мужской куртке, с полугодовалой Бри в перевязи на груди. Бри спала, раскрыв рот, в шерстяном чепце с ушами. Тамсин доставала из соломы чашу, вытирала её рукавом, щёлкала по краю ногтем, слушала и только после этого отдавала Нелл.

— Держи двумя руками, — сказала она в третий раз. — Это не селёдка.

— Селёдку я ещё ни разу не роняла.

— Вот и с этой не начинай.

Чаши были тяжёлые и неожиданно тёплые, будто Тамсин несла их за пазухой. Бледно-зелёное соляное стекло с толстым донцем и вывернутым краем, а по стенке пузырьки, мелкие, как пена у камня. Нелл ставила каждую на железную треногу у парапета, семь треног в ряд, и каждый раз, когда донце касалось железа, стекло отзывалось низко, гулко, где-то у неё в зубах.

— Шесть крон четыре гроша, — сказали у неё за спиной.

Нелл поставила пятую чашу и обернулась.

Столичный ревизор стоял чуть в стороне от жаровен, там, где ветер был злее всего, и держал открытую книгу на сгибе локтя. Книга была толстая, в коричневой коже, с медными уголками. Рядом с ним парень в клетчатом шарфе светил ему фонарём на страницу и одновременно ел булку, откусывая с края, как мышь.

— Пять, — сказал ревизор и сделал пометку. Голос у него был ровный и негромкий, но ветер почему-то разносил его по всей площадке. — Итого тридцать две кроны и двадцать грошей. Не считая доставки.

— Доставку я не беру, — сказала Тамсин, не оборачиваясь. — Доставка у меня бесплатная, на собственном горбу.

— Тогда запишем её как пожертвование.

— Запишите её себе куда-нибудь поглубже.

Парень с булкой подавился. Ревизор перевернул страницу.

Его звали Харроу, это знала вся казарма. Приехал пять дней назад казённой каретой, поселился в гостинице у Ратушной горы и на второй день попросил в башне книги расходов за десять лет. Казначей Стражи после этого полдня пил капли. По казарме ползли слухи: что в столице Стражу считают дорогой игрушкой, раз Ворота открыты и с приливными мир; что кадетов распустят по домам, а стекольные мастерские продадут; что у ревизора вместо сердца счёты, и, когда он нервничает, костяшки на них щёлкают.

Счётов Нелл не увидела. Увидела длинного худого человека в чёрном сюртуке без единой пылинки, с белым шейным платком, завязанным так ровно, будто его гладили прямо на шее. Светлые волосы ветер трепал как хотел. Лицо узкое, бритое, и на нём было выражение человека, который пришёл на похороны чужого дяди и вежливо ждёт, когда раздадут пироги.

На левом манжете у него было чернильное пятно, маленькое, с ноготь. Нелл почему-то обрадовалась этому пятну.

— Шестая, — сказала Тамсин и сунула ей чашу.

* * *

Ударил колокол на Вдовьей башенке, и площадка затихла.

Лорд-страж вышел к треногам без шапки, в тёмном плаще, мокром по плечам. Нелл знала его всю жизнь и всё равно каждый раз удивлялась, какой он высокий. В детстве он приходил к ним на слободку с Брамом и молча чинил ей удочку на тёткином крыльце. Однажды он так же молча вытащил её за шиворот из протоки, а тётке они вдвоём сказали, что она упала в бочку с дождевой водой. Тётка не поверила.

Сейчас он говорил слова обряда, коротко и сухо, как говорил всё. Про Стену, которая держит, и про двоих, которые слышат то, чего не слышит один.

Нелл стояла с пустыми руками у ящика и слушала, как стучит по стеклу крупа.

Первая пара подошла к треноге. Парень и девушка с Канатной улицы, курносые оба, как брат с сестрой, хотя не родня. Серебряная игла, по капле с каждого пальца на край чаши. Стекло вспыхнуло. Не сразу, а будто подумав: сначала зажглись пузырьки у донца, потом пошло выше, до края, и чаша загорелась ровным бледно-зелёным огнём, холодным, похожим на луну в воде. Курносые схватились за руки и засмеялись. Внизу, на лестницах и на гребне, где стоял народ, захлопали.

— Шесть крон четыре гроша, — сказал ревизор.

Кто-то из толпы свистнул.

Вторая пара. Третья. У третьей чаша не загорелась вовсе, хоть они и держали пальцы на стекле, пока кровь не застыла на морозе. Девушка заплакала, парень сердито вытер ей лицо рукавом и увёл к жаровне.

— Шесть крон четыре гроша, — сказал ревизор. — Без результата.

На этот раз свистели уже несколько человек, а с гребня кто-то крикнул «чернильная душа». Нелл увидела, как Тамсин стиснула зубы и погладила спящую Бри по спине.

Четвёртая. Пятая. Шестая. С каждой чашей зелёного света на площадке становилось больше, и лица у людей в нём были странные, утопленные. Нелл смотрела на дочь шорника. Та стояла последней, с высоким парнем из верхнего города, сыном какого-то судейского. Шёл её черёд, а она мяла пряжку так, будто хотела её оторвать.

Сын судейского посмотрел на седьмую чашу. Потом на толпу. В толпе, у самого края, стояла дама в лисьей шапке и медленно качала головой.

— Я не пойду, — сказал он.

Сказал громко и сам испугался.

— Что? — спросила дочь шорника.

— Я не пойду. Я подумал. Это же на всю жизнь. Я не могу на всю жизнь. Мне надо было раньше сказать.

— Надо было, — согласился лорд-страж без всякого выражения.

Дочь шорника стояла, открыв рот. Потом повернулась и пошла вниз по лестнице, сквозь толпу, не оглядываясь. Через некоторое время дама в лисьей шапке протолкалась к сыну судейского и увела его за рукав, как маленького.

На треноге стояла седьмая чаша, тёмная, никому не нужная. Крупа ложилась на её край и не таяла.

— Итого, — сказал ревизор в полной тишине, и Нелл даже показалось, что он сам немного удивился, как громко это вышло. — Одна чаша не использована. Предлагаю вернуть её поставщику и учесть в следующих закупках.

— Поставщик вам её вернёт, — сказала Тамсин. — Прямо в лоб, если ещё раз откроете рот.

Нелл не помнила потом, как оказалась у треноги. Она сняла чашу с железа. Стекло было ледяным, а внутри у неё всё горело, от горла до живота, будто она проглотила уголь.

— Не надо её возвращать, — сказала она ревизору. — Запишите на меня.

Он поднял на неё глаза. Серые, светлые, очень внимательные. Без насмешки, и это было почему-то хуже насмешки.

— На вас?

— Лишняя чаша, лишний кадет. Пишите в одну строку, вам же удобнее. Шесть крон четыре гроша. Вычтете из жалованья.

— Нелл, — сказал лорд-страж.

— Я заплачу, милорд. Я хочу, чтобы её не возвращали.

— Остри, — сказал ревизор медленно, словно пробуя на вкус. Перо у него в руке остановилось над страницей. — Вы сестра капитана Остри.

— Это у вас в какой графе?

Он открыл рот, чтобы ответить, и в этот миг с моря ударило.

Ветер на Вдовьем выступе приходил не волной, а кулаком, и всегда, когда не ждёшь. Нелл должна была держать чашу двумя руками, как велела Тамсин, и держала одной, левой, потому что правой ткнула в ревизорскую книгу. Порыв сорвал с неё шапку и толкнул в грудь. Сапог поехал на ледяной крупе. Она качнулась, и край чаши со всего маху пришёлся на железную ногу треноги.

Чаша не треснула. Она лопнула, разом, с таким звоном, будто внизу под площадкой ударили в колокол. Нелл почувствовала, как стекло проходит ей через ладонь, наискосок, от мизинца к запястью, и как пальцы сами сжимаются на самом большом куске. Остальные куски полетели вниз, к камню, сверкая в свете жаровен.

И ревизор их поймал.

Книга в коричневой коже шлёпнулась на камень, и он кинулся вперёд и подставил под падающее стекло обе ладони, голые, сложенные ковшиком, как подставляют под рассыпанные монеты. Два осколка ушли ему в руки. Третий, самый крупный, Нелл всё ещё держала, и его пальцы легли поверх её пальцев, на тот же кусок, потому что он не успел остановиться.

— Шесть крон, — сказал он сквозь зубы, совершенно по-дурацки.

Кровь у них была одинаково тёмная.

Стекло вспыхнуло.

Не так, как у курносых, не подумав. Свет ударил из осколка у них в руках вверх и в стороны, зелёный, резкий, до боли в глазах, и прошёл по её руке до самого плеча, горячий, как расплав. Чаши на треногах полыхнули разом, даже тёмная, третья. Фонари на створках Ворот, на гребне, на лестнице загорелись ярче, и вдоль всей Стены, на север и на юг, побежал свет, от фонаря к фонарю, так быстро, что глаз не успевал. И далеко внизу, в долине, вспыхнула зелёная нитка шлюза.

Потом под ногами загудело.

На учениях, держась за руку инструктора, Нелл слышала Стену мельком, как далёкий звон в ушах. А сейчас Стена гудела так, будто Нелл стояла внутри колокола. Низко, ровно, в самой груди. И в этом гуле был ещё кто-то. Совсем рядом. Чужое удивление, сухое и злое, как у человека, которого обсчитали. А под ним, глубоко, так глубоко, что Нелл не сразу поняла, что это, — страх. Не перед ней. Не перед светом. Перед водой. Перед морем, которое дышало там, внизу, за створками, и которого она сама не боялась никогда в жизни.

Она подняла глаза.

Ревизор Харроу смотрел на неё поверх осколка, белый как бумага. Свет бил ему в лицо снизу, и губы у него шевелились. Он считал. Нелл не слышала цифр, но видела, как он считает.

— Отпустите, — сказала она.

— Я пытаюсь, — сказал он. — У меня не выходит.

* * *

Дальше было много шума.

Кто-то кричал с гребня «Привязка!», и крик пошёл вниз, по лестницам. Кто-то сказал громко и обиженно, что это неслыханно, столичный, да ещё с этой, с Остри. Бри проснулась и орала басом. Тамсин, перекрывая её, сказала короткое слово на стекольном жаргоне, которое Нелл слышала от неё один раз, когда в мастерской обвалилась заслонка.

— Мои чаши не лопаются, — сказала Тамсин, качая ребёнка и одновременно хватая Нелл за запястье. — Слышишь? Не лопаются. Ты её об треногу приложила. Покажи руку. Да не мне в лицо, а свету. Ох, глубоко.

Лорд-страж подошёл последним. Он не бежал. Он вообще никогда не бежал, даже в тот раз, у протоки. Он посмотрел на осколок, который они всё ещё держали вдвоём, потом на Нелл, потом на ревизора, и лицо у него стало такого цвета, какой Нелл видела у него один раз в жизни. На похоронах.

— Разожмите пальцы, — сказал он. — Медленно. Оба.

Осколок лёг Олдрику в ладонь, ещё светясь, и погас.

— Милорд, — сказал ревизор очень ровно. — Я правильно понимаю, что сейчас произошло?

— Да.

— Это можно отменить?

Олдрик помолчал.

— Утром. Оба в башню, к Изольде. К восьми.

— Я спросил не когда, а можно ли.

— Я слышал, — сказал Олдрик и отвернулся, чтобы собрать с камня остальные осколки. Он собирал их в свою шапку, по одному, все до последнего, и Тамсин держала ему фонарь.

Парень в клетчатом шарфе поднял ревизорскую книгу из лужи и прижал к груди, как кошку. Ревизор стоял, держа перед собой изрезанные ладони, и смотрел на них так, будто читал. Потом достал из кармана платок, белый, сложенный вчетверо, и протянул Нелл.

— Вам нужнее, — сказал он. — У вас глубже.

Она не взяла. Тамсин уже затягивала ей ладонь чем-то из своих тряпок, туго, до звёзд в глазах.

Платок так и остался у него в руке, и на нём медленно проступали красные пятна.

* * *

Домой Нелл шла пешком до Рыбного спуска, а оттуда на вёслах, через протоку. Новые пары оставались на ночь в башне, пили подогретое вино у Гедды и до утра пробовали, кто кого лучше слышит. Нелл сказала дежурному сержанту, что тётка у неё одна и простужена. Тётка и правда была одна, но простужена не была никогда.

Грести с перевязанной рукой было неудобно, лодка рыскала. Вода в протоке стояла чёрная, с ледяной кромкой у свай, и пахло, как всегда, копчёной селёдкой и дымом. Дома на слободке стояли прямо на воде, на сваях, и соединялись мостками, а с берегом только лодками. Тёткин дом был последним, у самого устья. В окне горела лампа.

Тётка Мэг сидела у печки в мужских штанах, курила трубку и чинила сеть. На Нелл она посмотрела один раз, от сапог до шапки, которой не было.

— Шапку ветер забрал, — сказала Нелл.

— Вижу.

— И руку порезала.

— Вижу.

— И ещё я теперь связана со столичным ревизором, который хочет распустить Стражу. Случайно.

Тётка вынула трубку изо рта. Подумала. Сунула обратно.

— Ужинать будешь?

— Нет.

— Будешь, — сказала тётка и встала греметь горшками.

Нелл съела миску ухи, не чувствуя вкуса, и легла в своей комнатке под крышей, где пахло сухой мятой. За стеной была комната Брама. Нелл туда не заходила, но всегда знала, что она там, как знают про больной зуб. Ладонь дёргало. Она заснула сразу, будто провалилась в протоку.

Проснулась она от головной боли, в темноте, и сначала не поняла, где она.

Голова болела странно. Боль сидела ровно за правым глазом и стучала мелко и аккуратно, с одинаковыми промежутками, будто кто-то отсчитывал её костяшкой по столу. И ещё затошнило, тихо, издалека.

Нелл выглянула в окно. Над протокой стоял туман, а за туманом, на горе, светились окна верхнего города. Где-то там, у Ратушной горы, была гостиница.

Левая ладонь, порезанная, болела, как положено.

Но правая, целая, ныла тоже. Сразу в двух местах, у основания большого пальца и поперёк, тупо и горячо, как ноет свежий порез. Нелл поднесла правую руку к лицу, в полосу лунного света, и долго разглядывала её. Кожа была чистая. Ни царапины.

Стук за правым глазом продолжался. Раз, два, три, четыре. Пауза. И снова. Раз, два, три, четыре.

Нелл легла обратно, натянула одеяло до подбородка и уставилась в тёмные доски потолка.

— Да спи ты уже, — сказала она шёпотом в сторону верхнего города. — Чернильная душа.

Стук не прекратился. Но, кажется, немного сбился со счёта.

Глава 2. Опись

К восьми утра Джулиан Харроу спал в сумме два часа сорок минут и знал это точно, потому что каждые полчаса зажигал свечу и смотрел на часы.

Голова болела всю ночь, ровно за правым глазом. Он списал это на вино, которое ему налили в гостинице в честь праздника. Вино было местное, на вкус как рассол с изюмом. К рассвету он засомневался в вине, потому что выпил полбокала, а болело так, будто выпил бочку. Когда он поднимался по крутой улице к Соляной башне, боль начала стихать. Шаг за шагом, будто кто-то медленно разжимал пальцы. У ворот башни её не стало совсем.

Джулиан отметил это и отложил. Он не любил выводов без второй цифры.

Изольда ждала их в нижней библиотеке, в комнате с длинным столом и узкими окнами на море. На ней было тёмно-серое платье и серые перчатки, а перед ней стояла чашка чая такого цвета, что Джулиан бы не рискнул назвать это чаем. Стол был завален старыми книгами. Некоторые лежали раскрытыми, корешками вверх, как убитые птицы.

Девица Остри уже сидела на подоконнике, поджав одну ногу, и грызла ноготь на здоровой руке. Левая была перевязана до запястья. Куртка на ней была та же, что вчера, старая, мужская, коричневой кожи, с заплатой на локте и рукавами, подвёрнутыми дважды. Она посмотрела на Джулиана и тут же отвернулась к окну, будто там происходило что-то важное. Там летала чайка.

Лорд-страж стоял у камина. Он кивнул, что, видимо, у него заменяло «доброе утро».

— Садитесь, господин Харроу, — сказала Изольда. — Покажите руки.

Он сел и показал. Изольда стянула одну перчатку, двумя пальцами повернула его правую ладонь к свету, посмотрела на два пореза, у основания большого пальца и поперёк, и надела перчатку обратно.

— Неглубоко, — сказала она. — Заживёт за неделю. У неё дольше. Теперь слушайте и не перебивайте, это сбережёт нам обоим время, которое вы, как я понимаю, цените. Привязка настоящая. Обряд не нужен, нужны кровь двоих и соляное стекло, а вчера было и то, и другое. Совместимость редкая. Вам, можно сказать, повезло.

— Я бы выбрал другое слово.

— Я просила не перебивать. — Изольда отпила свой ужасный чай. — Привязка свежая, а свежая привязка тянет. В первые недели связанные не могут разойтись больше чем на полверсты. Голова, тошнота, потом кровь носом. Дальше хуже. Обычно этого никто не замечает: кадеты после обряда живут в одной казарме и ходят в одну смену. Вы же провели ночь у Ратушной горы, а госпожа Остри на Селёдочной слободке. Это примерно версты две.

Голова. За правым глазом. Раз, два, три, четыре.

— Это вы стучали? — спросила девица с подоконника. Первое, что она сказала за утро.

— Я не стучал. Я считал.

— Вы считали так, что у меня зубы ныли.

— Я считал, чтобы уснуть. Обычно помогает.

— Мне не помогло.

— Мне тоже, если вам интересно.

— Господа, — сказала Изольда, и оба замолчали. Джулиан работал с министрами, и ни у одного министра не было такого голоса. — Второе. Свежая привязка пропускает не только боль. Сильные чувства тоже. Страх, гнев. Прочее. Скрыть их нельзя, так что советую и не пытаться, выйдет только хуже. Третье. Вы, разумеется, хотите знать, можно ли её снять.

— Хочу.

— Можно. — Изольда положила ладонь в перчатке на раскрытую книгу, старую, с бурыми пятнами на полях. — Я просидела над этим всю ночь. Свежую пару размыкают у тех же ворот, где связали, на том же стекле. Осколки собрал мой брат, чашу склеит Тамсин. Она

уже ругается. Но только через сорок дней после обряда и только в ночь новолуния. Сороковая ночь как раз выпадает на новолуние. Это действительно везение, господин Харроу, следующее было бы слишком поздно.

— Сорок дней, — сказал Джулиан.

— Сорок.

— Я приехал на месяц. Пять дней уже прошли.

— Значит, задержитесь.

— На пятнадцать дней. — Он сказал это вслух, хотя мог бы не говорить. Пятнадцать дней суточных, по полторы кроны в день. Гостиница сверх срока. Письмо в казначейство с объяснением, которое там прочтут вслух и будут смеяться до самой весны. — А если раньше?

— Раньше нельзя. Убьёт обоих.

— А позже?

— Позже тоже может убить. Привязка укореняется. В своде описаны одиннадцать размыканий. Девять в срок, те девять пар разошлись и прожили долго. Два позже срока. — Изольда помолчала. — Про них в своде больше ничего нет.

Джулиан почувствовал, как в груди поднимается жар. Резкий, кислый, до самого горла. Он даже открыл рот, чтобы сказать что-то, о чём потом пожалел бы, и вдруг понял, что злится не на то. Его злость была холодная и аккуратная, как всегда: пятнадцать дней, полторы кроны, смех в казначействе. А эта была горячая и пахла солью. Она злилась так, будто её снова не позвали.

Он повернулся к окну. Девица Остри смотрела на него, и щёки у неё горели.

— Перестаньте, — сказала она.

— Я ничего не делаю.

— Вы на меня смотрите так, будто я вам задолжала.

— Я на вас смотрю, потому что вы злитесь у меня в горле. Это неудобно.

— Мне ваши сорок дней тоже ни к чему, господин ревизор. Я могла бы подождать пары до следующей осени. Я вообще никуда не спешила.

Лорд-страж кашлянул у камина. Коротко, как отрезал.

— Жить будете в башне, — сказал он. — Оба. Комната для вас найдётся.

— Я живу в гостинице у Ратушной горы, милорд. Она оплачена до конца месяца. С завтраком.

— Завтрак у Гедды лучше.

— Дело не в завтраке.

— Я знаю, в чём дело, — сказал Олдрик и снова замолчал.

* * *

Джулиан не верил на слово. Это было его ремесло: ему приносили бумаги, где всё сходилось, и его работа состояла в том, чтобы найти место, где не сходится. Ему было тридцать один год, и пока он не ошибся ни разу, когда не поверил. Ошибался он, только когда верил.

Поэтому из башни он вышел пешком, с Доддом, и сказал Додду, что они идут за вещами.

— А мы правда идём за вещами? — спросил Додд. Он нёс под мышкой ревизорскую книгу, высушенную за ночь у печки, и половину пирога, которую ему успела сунуть кухарка. — Просто леди сказала…

— Я слышал, что сказала леди.

— И вы… ну, проверяете?

— Я считаю.

От ворот башни вниз шла улица, которую местные звали Коленоломкой, и это было честное название. Джулиан считал шаги. Он всегда считал шаги, когда не знал, что будет дальше, с девяти лет, с того дня, когда понял, что можно не бояться коридора, если знать, сколько в нём шагов до двери. Сто. Двести. На двухсотом Додд доел пирог. На четырёхсотом показалась

площадь с рыбным рынком, и пахнуть стало так, что даже голова у Джулиана на миг перестала существовать. На шестисотом она вернулась. Тупо, за правым глазом.

На шестьсот пятидесятом его начало мутить.

— Господин Харроу, вы зелёный, — сказал Додд с интересом.

— Иди.

На семисотом шаге рынок остался позади, а улица свернула вдоль какой-то лавки с сетями. Джулиан сделал ещё три шага и почувствовал на верхней губе тёплое. Провёл пальцем. Палец был красный.

Семьсот три. Полверсты, если считать шаг в аршин с небольшим. Леди Изольда не ошиблась ни на шаг, и это его почему-то задело.

— Господин Харроу!

Додд уже рылся по карманам в поисках платка, а сверху, по Коленоломке, бежала девица Остри. Бежала она хорошо, ловко, как бегают люди, привыкшие к скользким мосткам, и держала у носа перевязанную ладонь. Из-под повязки текло красное.

Она остановилась в двух шагах. Кровь у неё шла сильнее, чем у него.

— Проверили? — спросила она гнусаво.

— Проверил.

— И как?

— Семьсот три шага.

Она посмотрела на него так, что Додд отступил к лавке с сетями.

— Вы могли сказать, — сказала она. — Могли сказать, что пойдёте. Я сидела у Гедды, я чистила лук, у меня из носа хлынуло прямо в миску. Гедда решила, что я помираю. Она меня уложила на лавку и дала нюхать уксус.

— Простите.

— Не надо мне «простите». Вы не верите на слово, да? Ни Изольде, ни милорду, ни мне. Тогда считайте. Вот вам ещё одна цифра. — Она шагнула к нему, и голова у него сразу стала легче, а кровь в носу будто задумалась. — Мне вас таскать за собой сорок дней. Каждую смену. По стене, по ночам. И сорок дней сидеть с вами в архиве, пока вы будете доказывать, что я и мои товарищи слишком дорого стоим.

— Тридцать девять, — сказал Джулиан. — Один уже прошёл.

Она открыла рот. Закрыла. Ему показалось, что сейчас она его ударит, и он даже не стал бы её за это осуждать. Вместо этого она вдруг коротко, зло рассмеялась, сквозь кровь и повязку.

— Знаете, что? — сказала она. — Вы и правда считаете. Мне вчера не показалось.

Додд протянул ей платок. Платок был в крошках пирога, она взяла его не глядя.

За вещами в гостиницу пошёл Додд, один, с запиской хозяину. Джулиан и девица Остри поднимались обратно по Коленоломке молча, на расстоянии ровно трёх шагов друг от друга, и Джулиан не считал. Он заставил себя не считать. На середине подъёма он понял, что она это чувствует, и ему стало досадно, как будто его поймали за руку в чужом кармане.

* * *

Комнату ему отвели в казарменном крыле, на третьем этаже. Это была бывшая бельевая: узкая, с одним окном и с полками по стенам, на которых ещё лежали стопки серых простыней. Сержант, который вёл его, извинился, что другой нет. За тонкой стеной, сказал сержант, женская казарма кадетов, но сейчас там одна Остри, остальные девицы ушли жить к своим напарникам в парные комнаты.

— Одна? — переспросил Джулиан.

— Одна, — сказал сержант и посмотрел на него так, будто это Джулиан был виноват.

Обедали на кухне. Матушка Гедда оказалась старой, маленькой и широкой, в белом переднике, с руками, которые, видимо, никогда не были без дела. Она посадила Джулиана к

окну, поставила перед ним глиняную миску размером с таз и налила туда супа. Суп был рыбный, густой, с луком и перловкой.

— Ешь, худой, — сказала она.

— Благодарю, я не голоден.

— Худой, — повторила Гедда, не слушая, и дала ему ложку. — Я видела, как ты по лестнице лез. Колени торчат. В столице не кормят? Мальчика моего в твои годы тоже было не накормить, всё бумажки. Ешь.

Он съел. Суп был невыносимо хорош, и это его тоже задело. Додд, вернувшийся с вещами, съел три миски и половину хлеба, а потом, вытирая рот, вполголоса спросил у Джулиана, нельзя ли в этом месяце получить жалованье вперёд. Это был третий раз за две недели. Джулиан сказал, что подумает. Додд покраснел и стал смотреть в миску.

Девица Остри ела на другом конце стола, у печки, рядом с Геддой, и Гедда всё время что-то подкладывала ей в тарелку. Один раз Гедда наклонилась к ней и сказала тихо, но Джулиан услышал:

— Брамова сестричка. Ну, ну. Ничего.

Девица Остри кивнула и не подняла глаз.

Потом, когда она ушла, Гедда подошла к Джулиану забрать миску, постояла, вытерла руки о передник и сказала совсем другим голосом, без «худого»:

— Ты её не обижай. Её и так все обижают. Не нарочно. А это хуже.

Он не нашёлся, что ответить.

* * *

Вечером Джулиан сел за полку, которую освободил от простыней и приспособил под стол, открыл книгу в коричневой коже на чистой странице и начал ревизию.

Он всегда начинал с того, что ближе. С себя.

«Статья первая. Ревизор королевского казначейства, одна единица. Жалованье по чину. Суточные, полторы кроны в день, сорок дней вместо двадцати пяти, итого шестьдесят крон вместо тридцати семи с половиной. Карета из столицы и обратно, по казённой росписи. Гостиница у Ратушной горы, оплачено до конца месяца, использовано пять ночей, остаток не возвращается, хозяин был очень вежлив, когда это объяснял».

Он подумал и приписал:

«Стол у матушки Гедды. Стоимость не установлена. Предположительно выше, чем указано в книгах башни».

«Статья вторая. Чаша соляного стекла, работа мастерской Вейн, одна, разбита. Шесть крон четыре гроша. Отнести на счёт ревизора, поскольку ревизор её сосчитал вслух. Кадет Остри изъявила желание оплатить. Отказать».

Правую ладонь, порезанную, при каждой букве дёргало. Он писал всегда правой. Он научился писать в работном доме, на обороте счетов, которые выбрасывал смотритель, огрызком грифеля, и с тех пор, когда буквы ложились ровно, ему казалось, что пол под ногами тоже стоит ровно. В детстве это было единственное, что у него было своё. Цифры не врут, если их правильно сложить. Люди врут. Цифры нет.

В стену постучали. Три раза, сильно, кулаком.

Джулиан поднял голову.

— Ревизор, — сказали за стеной. — Вы пишете?

— Пишу.

— Прекратите. У меня правая рука горит, будто я её в печь сунула. А у меня правая целая.

Он посмотрел на перо. На повязку. На стену.

— Мне нужно закончить опись.

— Заканчивайте завтра. Или пишите левой.

— Я не умею левой.

— Научитесь. Вы же умный.

За стеной заскрипела койка, и стало тихо. Джулиан посидел немного. Потом взял перо в левую руку. Буквы вышли кривые, с наклоном не в ту сторону, как у пьяного писаря. Он написал: «Статья третья. Пятнадцать дней сверх срока. Причина: семьсот три шага».

Он посмотрел на эту строку довольно долго, потом закрыл книгу.

* * *

Ему снилась вода.

Он ненавидел воду с девяти лет, но снилась она ему редко, он научился этого не допускать. А тут вода была везде. Чёрная, тяжёлая, холодная до ломоты в зубах. Она была сверху и снизу. Он не знал, где поверхность. Над ним, высоко, сквозь толщу, горел зелёный огонь, расплывчатый, как фонарь в тумане, и качался. А сбоку, совсем рядом, кто-то кричал. Мужской голос, низкий, сорванный. Не от боли. Он кричал так, как кричат, когда зовут.

Джулиан не разобрал слов. Он хотел к этому голосу, и не мог, и не умел, потому что не умел плавать, и вода держала его, как держат чужие руки.

Он проснулся мокрый, со сжатыми кулаками. Ладонь под повязкой горела.

В комнате было темно. Простыни на полках белели, как надгробия. За тонкой стеной кто-то сидел на койке, он это знал так же ясно, как знал, сколько в комнате шагов. Сидел, дышал часто, будто вынырнул. Потом босые ноги прошли по полу. Звякнул кувшин. Полилась вода в кружку.

Его собственный страх, тот, привычный, с девяти лет, отступал медленно. А под ним, отдельно, отступал чужой. Другой. Этот был не про воду. Этот был про голос.

Джулиан не постучал. Он полежал, глядя в темноту, и посчитал шаги от окна до двери. Четыре с половиной. Потом встал, зажёг свечу, открыл книгу и левой рукой, криво, вывел внизу страницы:

«Сон. Не мой. Стоимость не установлена».

За стеной скрипнула койка. Вода в кружке, кажется, кончилась.

Глава 3. Обход

— Он пойдёт в этом? — спросил сержант.

Нелл посмотрела. Ревизор стоял у караульной в своём чёрном сюртуке, в начищенных городских башмаках на тонкой подошве, и держал под мышкой книжечку размером с ладонь. Шейный платок был завязан так же ровно, как вчера. Над Хольмом шёл одиннадцатый час, с моря тянуло льдом, и на парапете у караульной иней лежал, как соль на селёдке.

— Он пойдёт в этом, — сказала Нелл. — Он взрослый.

— Он помрёт в этом.

— Тогда я тоже помру, и вам не придётся ставить меня на южный участок.

Сержант крякнул, ушёл в караульную и вынес оттуда плащ из промасленной парусины, длинный, до пят, с капюшоном. От плаща пахло рыбьим жиром и чужим табаком. Ревизор посмотрел на него, как смотрят на дохлую чайку.

— Благодарю, мне не холодно.

— Это пока, — сказал сержант и сунул плащ ему в руки. — На Вдовьем выступе ветер такой, что у вас эта ваша тряпочка на шее завяжется в бантик сама.

Ревизор помолчал. Потом надел плащ поверх сюртука и застегнулся на все крючки до подбородка, аккуратно, снизу вверх. Нелл отвернулась, чтобы не видеть, как он похож в нём на мокрого грача.

Смена у неё была от Ворот до шлюза. Двадцать два фонаря туда, двадцать два обратно, к четырём утра назад в караульную. Раньше, весь последний год, она ходила этот участок в паре с кем-нибудь из старших, по очереди, кому выпадет, и старшие всегда были вежливы, и всегда держались на шаг впереди. Сегодня старшего с ней не было. Сержант сказал, что связанной паре старший не нужен. Сказал и посмотрел на ревизора так, будто это ревизор забрал у него лишнего человека.

Луна поднялась поздно, ущербная, обгрызенная с одного бока. Нелл поймала себя на том, что тянет палец ко рту, и сунула руку в карман.

* * *

— Триста два, — сказал ревизор у второго фонаря.

— Что?

— Шага. От первого фонаря до второго. По уставу их ставят через триста.

— Значит, у вас шаг короткий.

— У меня шаг ровно аршин с вершком, я его мерил. Значит, фонарь стоит дальше, чем надо.

— Значит, триста лет назад каменщик был пьян. — Нелл протёрла стекло рукавицей, заглянула внутрь, на ровный бледный огонёк, и пошла дальше. — Вы ещё камни посчитайте.

— Посчитал бы, если бы было светлее.

Шёл он, к её досаде, хорошо. Она ждала, что он будет жаться к внутренней стороне, к стене караульных башенок, как жмутся все городские, кто впервые поднялся на гребень ночью. Так жалась жена лорда-стража, Нелл сама видела. А ревизор шёл по самому краю, у парапета, спокойно, заложив одну руку за спину, а другой придерживая книжечку под плащом. Внизу, слева, лежала долина: ил, огороды, тёмные крыши новых домов, редкие огни. Справа было море. Оно дышало за Стеной, длинно и тяжело, и подбиралось к подножию.

Каждый раз, когда волна била в камень, Нелл чувствовала короткий, острый укол. Не у себя. У него. Будто кто-то дёргал его изнутри за нитку. Он при этом не сбивался с шага и не поворачивал головы, но укол приходил исправно, с каждой волной.

— Вы высоты не боитесь, — сказала она у третьего фонаря.

— Нет.

— А воды боитесь.

Он остановился. Посмотрел на неё сверху вниз из-под капюшона, и лица его она не разглядела.

— Это вам леди Изольда сказала?

— Это мне ваша спина сказала. Вы дёргаетесь, когда бьёт волна. Вот здесь. — Она ткнула себя пальцем под грудину. — Не наружу. Внутри.

— Я не дёргаюсь.

— Вы дёргаетесь так, что у меня самой зубы стучат. Вы плавать-то умеете?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

Нелл открыла рот и закрыла. На слободке не умели плавать только младенцы и тётка Мэг, и тётка утверждала, что это потому, что море её боится. Взрослый мужчина, который не умеет плавать и при этом приехал в город, стоящий на воде, проверять людей, которые эту воду держат. Это было так глупо, что даже не смешно.

— Зачем вы тогда сюда поехали?

— Меня послали, — сказал он. — Я не выбираю, куда меня посылают. Четвёртый через двести девяносто восемь шагов. Каменщик протрезвел.

* * *

У пятого фонаря она остановилась и положила ладонь на камень.

Солекамень ночью был ледяной и шершавый, как сахар, который забыли растворить. Здоровая правая рука сразу заныла от холода. Нелл закрыла глаза. Так учили: стоять, молчать, не думать о постороннем, слушать. Целый год она стояла так у каждого фонаря и слышала только ветер и собственную кровь в ушах, а старший рядом стоял и делал вид, что не замечает, как она старается.

— Что вы делаете? — спросил ревизор.

— Слушаю.

— Камень?

— Стену. Встаньте сюда и молчите. Хоть минуту.

Он постоял. Потом, к её удивлению, снял перчатку и положил ладонь на парапет рядом с её рукой, в полупяди. Не касаясь.

И Стена запела.

Не так, как тогда у Ворот, в полную силу, колоколом. Тихо, глубоко, будто кто-то далеко под ногами провёл смычком по самой толстой струне. Звук шёл не в уши. Он шёл в ладонь, по руке, в плечо, в грудь, и там, в груди, оседал ровным гулом. А потом у этого гула появились голоса. Фонари. Каждый пел свою ноту, и все ноты сходились в одну, как сходятся в одну струи, когда сливаешь воду из лодки. Нелл слышала пятый, под рукой, низкий и тёплый. Шестой, впереди. Четвёртый, позади. Слышала дальше, по цепочке, до самых Ворот, и это было так хорошо, что у неё защипало в носу.

Год. Целый год она стояла у этого камня одна.

Она открыла глаза. Ревизор смотрел на свою ладонь на парапете. Лицо у него было такое, будто он нашёл в собственной книге запись, которую не делал.

— Слышите? — спросила она.

— Это ветер. В створках Ворот.

— Ветер с другой стороны.

— Тогда море. Резонанс. В пустотах кладки.

— Господин ревизор. — Нелл не убрала руку. — Вы слышите. Я чувствую, что вы слышите. У вас сейчас внутри так тихо, как я ни разу не слышала. Вы даже считать перестали.

Он медленно снял ладонь с камня. Песня стала тише, но не пропала, только ушла глубже, как уходит рыба под лодку.

— Мне это не нравится, — сказал он ровно. — Это нельзя посчитать.

— Можно. У каждого фонаря своя нота. Вон тот, впереди…

— Шестой, — сказал он, глядя вперёд, на следующий огонёк. — Седьмой. Восьмой. Я вижу. Седьмой стоит неровно, его покосило…

— Не считайте вслух.

Это вылетело раньше, чем она успела подумать. Резко, громче, чем надо. Ревизор повернул голову.

Нелл почувствовала, как это прошло через привязку. Её собственный холод, тот, что сидел внутри с той зимы, поднялся от одного слова, от одного числа, так быстро, что она сама не успела его поймать. И он это поймал. Она увидела по его лицу, что поймал. Будто она уронила при нём что-то из кармана, и он видел, что именно.

— Простите, — сказал он.

— Не за что. Пойдёмте.

Он больше не считал вслух. До самого шлюза. Она слышала, как он считает про себя, через привязку, ровным стуком, как ночью за правым глазом. Но вслух ни разу.

* * *

Шлюз стоял там, где долина кончалась и начиналась оставшаяся вода. Чёрная, гладкая, широкая, как озеро, она лежала за низкой дамбой, и над ней Стена поворачивала и уходила к югу. В саму дамбу были встроены створы шлюза, железные, на цепях, а по гребню над ними стояли его собственные фонари, частые, по шесть в ряд. Их ставили весной, после того как открыли Ворота, и за ними следили люди из долины, не Стража. Стража отвечала только за то, что на Стене.

Двадцать первый фонарь пел как надо.

Двадцать второй, последний, на самом углу, над шлюзом, пел не так.

Нелл услышала это ещё за полсотни шагов, сначала ладонью на парапете, потом уже и без ладони. Нота была фальшивая. Не тонкая и не громкая, а тупая, с дребезгом, как у треснувшего колокола на рыбацкой часовне у Рыбного спуска. Песня всей Стены шла через него, как вода через сито, и выходила с другой стороны неровной.

Ревизор остановился одновременно с ней. Она почувствовала, как он морщится. Он, оказывается, слышал тоже.

— Это, — сказал он.

— Это, — согласилась Нелл.

Фонарь стоял не на парапете, а на железном кронштейне, вынесенном наружу, над водой шлюза, чтобы свет падал на створы. Нелл перегнулась через камень. Огонёк внутри горел, но слабо, желтовато, а стекло вокруг огонька было мутное. Не бледно-зелёное с пузырьками, как у Тамсин, а серое, как вода в лохани, где мыли посуду. Пузырьков почти не было.

— Посветите.

Ревизор поднял свой фонарь, караульный, и подошёл к парапету. Нелл стянула рукавицу, легла животом на холодный камень и потянулась к кронштейну. Пальцы нащупали горло фонаря, латунное кольцо, а под кольцом в стекле что-то выпуклое. Она повернула стекло к свету.

Клеймо. Вдавленное ещё в горячую массу: корона в круге.

— Это не Тамсин, — сказала она. — Тамсин не клеймит. Она стучит. Она каждую вещь знает по звону, ей клеймо не надо. Это что вообще?

Ответа не было. Зато был рывок. Чья-то рука взяла её сзади за пояс, крепко, всей пятернёй, и прижала к камню, и одновременно её саму накрыло чужим страхом, коротким и белым,

как вспышка. Не страхом воды. Этот был другой. Простой и острый, как если бы при тебе ребёнок полез на крышу.

Нелл замерла.

За пояс. Её держали за пояс над водой.

— Отпустите, — сказала она сквозь зубы.

— Слезайте, тогда отпущу.

— Я сто раз так лазила. Я с этого кронштейна прыгала летом, тут глубина шесть саженей.

— Я не знал, — сказал он. — Слезайте.

Она слезла. Он отпустил её сразу, как только сапоги коснулись гребня, и отступил на шаг, и поправил плащ, будто ничего не было. Только в руке у него, той, что держала, она чувствовала через привязку дрожь. Мелкую, как у натянутой бечёвки.

— Корона в круге, — сказал он, глядя не на неё, а на фонарь. — Столичный казённый завод. Я видел это клеймо у нас в казначействе. Они делают оконное стекло. Для присутственных мест, для казарм, для работных домов. Дёшево и много.

— Оконное, — повторила Нелл. — В фонаре на Стене. Над шлюзом.

— Да.

— Его надо снять сейчас. Сейчас, понимаете? Если оно лопнет в высокую воду, а оно лопнет, вы слышали, как оно поёт, то створы останутся тёмными. Будить сержанта. Звонить в колокол на Вдовьей. Милорда поднять.

— Чтобы что?

Она уставилась на него.

— Чтобы его заменили!

— Его заменят. Утром. Тихо, без колокола. Сначала надо найти заявку, по которой его купили. Кто подписал, кто принял, кто платил. — Он говорил ровно, но она чувствовала, как под этой ровностью у него что-то быстро-быстро складывается и раскладывается. — Если вы сейчас поднимете всю башню, то к утру об этом будет знать весь Хольм, а через неделю я прочту об этом в своём собственном отчёте. Знаете, как это будет записано? «Стража Предела не способна проследить за закупками. На участке у шлюза установлен фонарь из негодного стекла, и обнаружили это случайно, кадет на обходе». Это доказательство не того, что кто-то вредит. Это доказательство того, что у вас бардак.

— У нас бардак?

— Пока я не найду бумагу, это выглядит так.

— У нас, — повторила Нелл, и ветер сорвал у неё с губ половину слова, — люди по ночам ходят по этому камню, с той зимы, когда… — она осеклась. — Мы ходим. Каждую ночь. А вы приехали, посчитали чаши и уже знаете, что у нас бардак.

— Я этого не говорил.

— Вы только что это сказали!

— Я сказал, как это будет выглядеть. Это разные вещи.

— Для вас! Для вас разные! — Она уже кричала, ветер забирал крик и уносил к долине, к тёмным крышам. — Вам лишь бы бумажка сошлась! А то, что тут фонарь врёт над водой, это так, строчка, да? Шесть крон четыре гроша?

Он не ответил. Он стоял у парапета в чужом рыбацком плаще, с капюшоном, сбитым ветром набок, и смотрел на неё. И через привязку к ней шло не то, чего она ждала.

Она ждала презрения. Она знала, как оно ощущается, она за год в кадетах научилась узнавать его по спинам, по тому, как старшие на шаг впереди. Презрения не было. Было другое. Тот самый белый страх, только тише, остывший, но не ушедший. Он не боялся, что она поднимет башню. Он боялся, что она полезет обратно на кронштейн.

Он боялся за неё.

И от этого Нелл разозлилась так, что у неё онемели губы.

— Не смейте, — сказала она.

— Что?

— Не смейте за меня бояться. Я вас не просила. Мне не нужно. Слышите? Меня этим полжизни кормят, и милорд, и Гедда, и тётка. Бедная Нелл, Брамова сестричка, только б не полезла. Не смейте. Вы мне никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.